

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ /
TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE**DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-89-101>

УДК 94(47) 470.56

**ОФИЦЕРЫ ПЕТРОВСКОЙ АРМИИ ПО СКАЗКАМ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
И ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКОЙ КОНТОРЫ СЕНАТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
СВИДЕТЕЛЬСТВ НАЧАЛА И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1720-Х ГГ.***Г.К. Всеволожский**Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620002, Российская Федерация***Аннотация**

Введение. Изучение российского дворянства петровской эпохи часто осложняется отсутствием источников, созданных непосредственно дворянами. Поэтому исследователям приходится изучать дворянские идентичности и стремления через интерпретации их действий. Тем не менее, существует комплекс документов, созданный со слов дворян – сказки. Сказки отражают различные стороны жизни служилых дворян и могут использоваться для комплексного исследования. Вместе с этим важно выяснить, насколько мы можем доверять этим свидетельствам. **Материалы и методы.** Основой исследования являются сказки Военной коллегии, собранные в 1720–1721 гг., а также собранные в 1726–1728 гг. сказки Герольдмейстерской конторы Сената. Изучаются сказки одних и тех же людей, что даёт возможность проследить изменения, происходившие в жизни офицеров, а также увидеть трансформации в описании реальности, которые также произошли в течение 1720-х гг. Важной задачей является также и проверка сведений, оценка соответствия информации из более ранних сказок тем данным, которые присутствуют в более поздних сказках. **Результаты.** Большинство данных сказок, в частности связанных с началом службы, полках службы, грамотностью и социальным происхождением, в обоих вариантах совпадают. Несмотря на это присутствуют и менее надёжные показатели. К таким можно отнести сведения о годах повышения и вельможах, утвердивших повышение. Показатели имущественного положения и уездов, где дворяне были испомещены, отражают динамику. В нашем случае, основным трендом является улучшение имущественного положения офицеров. Установлено, что офицеры в разных сказках могли называть причастными к одному и тому же повышению разных вельмож, а в некоторых случаях не упоминать никого из них. Показаны изменения в самоидентификации офицеров, по крайней мере, в публичной сфере. Показана достаточно высокая грамотность офицеров. **Заключение.** Автор приходит к выводам о том, что сказки офицеров являются сложным источником, разные показатели которого имеют разную достоверность. Тем не менее, для некоторых показателей, сказки можно считать отражающими реальность, и активно использовать в исследованиях. В случае, если сведения, приведённые офицером в сказках за разные годы, отличаются, необходимо искать причину такого разли-

чия. Причём, причиной может быть не только забывчивость. Исходя из расхождения данных о причастности вельмож в разных сказках к одному назначению офицера, делается предположение о целенаправленном появлении таких различий. Кроме того, на основе данных исследования и дополнительных материалов показана динамичность понятия «шляхетство» для 1720-х гг. Всё это свидетельствует о том, что офицеры были активными действующими лицами в процессе создания сказок.

Ключевые слова: русское дворянство, «сказки», офицеры Петровской армии, социальная история, «шляхетство»

Для цитирования: Всеволожский, Г.К. (2024) Офицеры петровской армии по сказкам военной коллегии и герольдмейстерской конторы сената: сравнительный анализ свидетельств начала и второй половины 1720-х гг. // История: Факты и символы. № 2 (39). С. 89-101 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-89-101>

Статья поступила: 01.02.2024

Статья принята в печать: 08.02.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

© Всеволожский Г., 2024

OFFICERS OF PETER THE GREAT'S ARMY ACCORDING TO THE SKAZKI'S OF THE MILITARY COLLEGE AND THE HERALDMASTER'S OFFICE OF THE SENATE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF EVIDENCE FROM THE EARLY AND SECOND HALF OF THE 1720s.

Georgii K. Vsevolzhskii

*First President Yeltsin Ural Federal University,
st. Mira, 19, Ekaterinburg, 620002, Russia*

Abstract

Introduction. The study of the Russian nobility of the Peter the Great era is often complicated by the lack of sources created directly by the nobles. Therefore, researchers have to study noble identities and aspirations through interpretations of their actions. Nevertheless, there is a set of documents created from the words of the nobles – skazki. Skazki's reflect various aspects of the life of serving nobles and can be used for a comprehensive study. At the same time, it is important to find out how much we can trust these testimonies. **Materials and methods.** The basis of the research is the skazki's of the Military College, collected in 1720-1721, as well as the skazki's of the Senate Heraldmaster's Office collected in 1726-1728. The skazki's of the same people are studied, which makes it possible to trace the changes that took place in the lives of officers, as well as to see the transformations in the description of reality that also occurred during the 1720s. An important task is also to verify information, to assess the correspondence of information from earlier skazki's to the data that are present in later skazki's. **Results.** Most of skazki's, in particular those related to the beginning of service, service regiments, literacy and social origin, coincide in both tales. Despite this, there are also less reliable indicators. These include information about the years of promotion and the nobles who approved the promotion. Indicators of the property status and counties where nobles were own estates reflect the dynamics. In our case, the main trend is to improve the property status of officers. It has been established that officers in different skazki's could call different nobles involved in the same promotion, and in some cases do not mention any of them. Changes in the self-identification of officers are shown, at least in the public sphere. The high literacy of the officers is shown. **Conclusion.** The author concludes that the skazki's of officers are a complex source, different indicators of which have different reliability. Nevertheless, for some in-

dicators, skazki's can be considered to reflect reality, and actively used in research. If the information given by the officer in the skazki for different years differs, it is necessary to look for the reason for such a difference. Moreover, the reason may be not only forgetfulness. Based on the discrepancy between the data on the involvement of nobles in different skazki's to the same appointment of an officer, it is assumed that such differences purposefully appear. In addition, based on the research data and additional materials, the dynamism of the concept of "gentry" for the 1720s is shown. All this indicates that the officers were active actors in the process of creating skazki's.

Keywords: Russian nobility, "skazki", officers of Peter the Great's army, social history, "gentry"
For Citation: Vsevolozhskii, G. (2024). Officers of Peter the Great's army according to the skazki's of the military college and the heraldmaster's office of the senate: a comparative analysis of evidence from the early and second half of the 1720s. In *History: Facts and Symbols*, 2 (39), 89-101 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-89-101>

Received: 08.02.2024

Revised: 02.08.2024

Published: 14.06.2024

© Vsevolozhskii G., 2024

1. Введение

Российское дворянство первой трети XVIII века изучается уже более двухсот лет. Со времён Г. Ф. Миллера, показавшего связь консолидации российского дворянства с реформаторской деятельностью Петра I [6], тема изучалась с разных сторон и под разными ракурсами. Хорошо изучены основные указы и реформы Петра I, оказавшие влияние на становление российского дворянства [1; 9; 14]. Тем не менее, когда речь заходит о таких важных вещах как самосознание дворян, а также об их представлениях о происходивших в обществе переменах, то нужно признать, что по этим вопросам нам известно далеко не всё. Данную ситуацию можно объяснить спецификой источников о российском дворянстве указанного периода.

Если для последующих эпох мы можем найти широкую палитру эпистолярного наследия, созданного дворянами, то для первой трети XVIII века таких текстов почти нет. Ситуация усложняется, если мы интересуемся дворянством не столичным, а провинциальным. Делать же это необходимо, так как в провинции жило большее число дворян, чем в столице. И именно жители провинций представляли государственные интересы в бесчисленном количестве уездов, обеспечивали само существование империи.

Несмотря на небольшое количество записей дворян о себе, нельзя сказать, что у нас вообще нет источников по данной теме. До нас дошло много документов, в которых так или иначе присутствовали наши герои. Это и записи судебных разбирательств, и актовые материалы по различным сделкам, и изучаемые в данной работе сказки Военной коллегии и Герольдмейстерской конторы Сената.

Основной отличительной особенностью вышеупомянутых источников являлось то, что их создание было связано с нуждами государства, в первую очередь, с нуждами учёта и мобилизации населения. Фиксировали эти источники, главным образом, присутствие дворян в публичной сфере. В связи с этим мы можем сказать многое о внешних проявлениях дворянского быта, о служебных инструкциях и положенном окладе, но далеко не всегда способны разглядеть за ними человека. Человека со своими представлениями и стремлениями.

В данный момент вышеуказанные источники активно привлекаются для антропологически-ориентированных исследований по русскому дворянству. Изучаются показатели грамотности [4], вопросы воспитания [3], карьерные траектории [12], небоевые потери в регулярной армии [2]. Тем не менее в силу нахождения источников в различных архивах и

фондах, исследователи часто останавливаются на каком-либо одном аспекте дворянской жизни.

Вместе с тем, полезным может быть комплексное исследование, основанное на документах одних и тех же людей за разные годы первой трети XVIII века. Это даст возможность увидеть динамику, безусловно присутствующую в эпоху преобразований, а также более точно оценить характер свидетельств той эпохи. Данная статья представляет попытку такого исследования.

Объектом нашего сравнения станут дворяне, служившие в регулярной армии, причём именно в офицерском звании. Данный выбор обусловлен тем, что офицеры были связующим звеном между генералитетом и солдатами, обеспечивали непосредственное руководство подразделениями на полях сражений. Также важно то, что большую часть офицерства составляли потомки служилых по отечеству; причём именно самая массовая их часть, представленная царедворцами и городовыми дворянами.

Исследовательской целью будет рассмотрение в динамике основных социально-экономических и служебных аспектов жизни офицеров петровской армии. Кроме того, внимание будет заострено на самих свидетельствах: на том, как и почему офицеры проявляли себя в государственных документах. Наконец, важной задачей любого сопоставления информации из разных источников, несомненно, будет являться верификация этой информации.

2. Материалы и методы

Основными источниками являются сказки Военной коллегии, собранные в 1720–1721 гг. и сказки Герольдмейстерской конторы, собранные в 1726–1728 гг. Сказки мы определим как документы учёта служилого населения, представляющие собой описание семьи, службы и имущества подателя, и написанные с его слов канцеляристом-подьячим. В данном исследовании используются сказки одних и тех же людей. В 1720–1721 гг. эти люди давали показания как действующие офицеры, а в 1726–1728 гг. как отставники.

Сказки, созданные в разных институтах, разумеется, имели разную структуру и, как следствие, содержали разные сведения. В сказках Военной коллегии более подробно освещался боевой путь офицеров, в то время как в сказках Герольдии имелось больше свидетельств о семье и имуществе подателей. После сопоставления содержания сказок Военной коллегии и Герольдии, были выделены следующие рубрики, присутствующие в обоих видах сказок: *год начала службы, года повышений вместе с информацией о вельможе, который утвердил данное повышение, полки службы, социальное происхождение, ранения и болезни, уезды землевладения, имущественное положение (владение крестьянами), элементарная грамотность.*

Работа с этими сведениями осуществлялась следующим образом. В случае если в обоих видах сказок информация совпадёт, будем считать её «непротиворечивой». В случае каких-либо расхождений назовём информацию «противоречивой». В случае отсутствия в одной из сказок информации по пункту сравнения зафиксируем, что «нет информации». Исходя из этих оценок, мы сможем проверить достоверность показаний офицеров, по крайней мере относительно их прошлых слов.

Случаи с «противоречивой» информацией представляют особый интерес, так как они дают сведения о реальных изменениях в жизни офицеров за период между написанием этих сказок. Также, работая с «противоречивой» информацией, мы можем столкнуться с искажениями действительности. Эти искажения могут быть связаны с банальной человеческой забывчивостью, а могут являться специальным изменением реальной картины в угоду каких-либо целей. Последнее также представляет особый интерес, так как позволяет увидеть подателей сказок не непредвзятыми рассказчиками, а заинтересованными лицами со своими стремлениями. В любом случае основным исследовательским принципом будет являться индивидуальный разбор каждого случая расхождений.

3. Результаты

Обратимся, однако, к статистике. Всего рассмотрены сказки 26 человек. На основе показателей сравнения была создана таблица 1.

Таблица 1. Соответствие информации из сказок Военной коллегии 1720–1721 гг. и сказок Герольдмейстерской конторы 1726–1728 гг.

Table 1. Correspondence of information from the «skazki» of the Military College of 1720-1721 and the «skazki» of the Headmaster's Office of 1726-1728.

Источник: [7; 8; 13]

Оценка соответствия информации сказок обоих видов	Год начала службы	Года повышений	Полки службы	Социальное происхождение	Ранения и болезни	Уезды землевладения	Имущественное положение	Грамотность
Непротиворечивая информация (в %.)	92	62	96	81	19	54	35	81
Противоречивая информация (в %.)	8	30	4	7,5	4	19	42	0
Нет информации (в %.)	0	8	0	11,5	77	27	23	19
Всего (в %.):	100	100	100	100	100	100	100	100

Как мы видим, некоторые показатели имеют высокую непротиворечивость (более 80%). Из этого следует, что информация о *годе начала службы, полках службы, социальном происхождении и грамотности* офицеров является по большей части соответствующей действительности. Обратим внимание на то, что сказки Военной коллегии были написаны минимум за 5 лет до сказок Герольдмейстерской конторы и были недоступны офицерам при составлении сказок в Герольдии [7, с. 4]. Стало быть, высокий процент непротиворечивой информации свидетельствует не о переписывании сведений из одного документа в другой, а о их достоверности, по крайней мере в той мере, в которой так считали сами податели. Тем более, что наряду с непротиворечивыми свидетельствами по данным показателям, существуют и разногласия сведения по другим пунктам сравнения. Это показывает, что сказки действительно писались заново, и офицеры вполне могли изменять свои показания. Тем не менее для указанных выше показателей их слова весьма правдоподобны.

Высокое количество несоответствий (30%) встречается в сведениях о *годах повышений*. Всего установлено 8 случаев расхождений. В пяти из них дело касается дат повышений, ещё в трёх – вельмож, утвердивших повышение. Ошибки в датах отчасти можно объяснить свойствами памяти и давностью происшедших событий. Об ошибках, связанных с вельможами, будет сказано ниже.

Отметим, что, называя *год начала службы*, офицеры более точны, чем когда называют года своих повышений. На наш взгляд эту ситуацию можно объяснить значимостью даты начала регулярной службы для офицера. К тому же одну дату запомнить проще, чем несколько.

Анализ показателей *имущественного положения и уездов землевладения* показывает значительное количество случаев, когда в одной из сравниваемых сказок попросту нет информации по данным вопросам. Тем не менее, когда у нас есть возможность сравнения, мы

фиксируем большое количество случаев расхождения сведений и об уездах землевладения, и об имущественном положении офицеров в 1720–1721 и 1726–1728 гг. Эти данные могут свидетельствовать о реальных изменениях в социально-экономическом положении. О причинах и выражении этих изменений поговорим ниже.

Что касается *ранений и болезней*, то стоит отметить, что эта информация содержится в обоих видах сказок у достаточно небольшого числа офицеров. Тем не менее, из 23% случаев, когда такая информация имеется, непротиворечивая информация составляет 19%. То есть, когда нам доступна возможность сравнения, сведения оказываются достаточно точными.

Рассмотрим теперь конкретные случаи. Начнём с *года начала службы*. Этот показатель присутствует во всех сравниваемых сказках, что объясняется важностью года начала службы для всех собирающих сказки ведомств: и для Герольдии, и для Военной коллегии. Из 26 офицеров только двое привели в разных сказках отличающиеся друг от друга даты. Оба – майоры, Гаврила Ерофеев сын Чернышев и Иван Семёнов сын Дурново. Остановимся подробнее на первом из них.

Майор Гаврила Ерофеев сын Чернышев, сын московского дворянина, в сказке Военной коллегии указал годом начала службы 1704 год [8, с. 1805], а в сказке Герольдии – 1703 год [13, л. 63]. В обоих случаях он свидетельствовал, что был из недорослей написан в лейб-гвардии Семёновский полк и участвовал в штурме Нарвы. Вообще, стоит отметить, что в его сказке за исключением года начала службы нет противоречивых сведений. Наоборот, сказка Герольдии дополняет информацию сказки Военной коллегии. И если в 1720 году Чернышев просто указывал на какие-то ранения, полученные при упомянутом выше штурме Нарвы 1704 года, то в сказке Герольдии он пояснил, что «ранен в левую ногу шпагою при штурме Нарвы».

Сделав попытку узнать, когда в действительности Гаврила Чернышев начал службу, мы сталкиваемся со следующей ситуацией. С начала 1703 года по 8 июля 1704 года (дата взятия Нарвы) прошло всего два смотра недорослей из царедворцев, к которым Гаврила как сын московского дворянина, разумеется, относился. Оба этих смотра имели место уже в 1704 году – в январе и апреле [5, с. 222–224]. В таком случае логичными видятся участие и последующая запись в Семёновский полк Чернышева на смотре января 1704 года. Подготовка к этому смотру могла начаться ещё в 1703 году, что возможно и привело к путанице в годах.

У майора Ивана Семёнова сына Дурново расхождение в дате начала службы также составляет один год. В сказке Военной коллегии он писал, что начал службу в 1704 году [8, с. 1691], а в сказке Герольдии – что в 1705 году [13, л. 22]. Как мы видим, неточность в дате так же, как и в первом случае не превышает года. Нам кажется, что подобные ошибки, при всей их важности, тем не менее, не искажают наше восприятие кардинально, и могут быть уточнены при статистическом исследовании путём группировки данных.

Перейдём к следующему показателю – *полкам службы*. Эта информация также встречается во всех сказках, при этом офицеры верны в своих показаниях, называя одни и те же полки и в сказках Военной коллегии, и в сказках Герольдии. Делают это они достаточно точно, особенно учитывая то, что в одном полку всю службу провели единицы. Почти каждое повышение офицера было связано с переводом в другой полк.

Стоит отметить, что периодически в офицерских рассказах встречаются анахронизмы, к примеру, применительно к началу Северной войны они называют полки названиями, данными этим полкам после 1708 года. Данный факт, однако, не искажает наше восприятие: мы хорошо понимаем, о каком конкретно полке идёт речь.

Из 26 случаев встретилась всего лишь одна ситуация несоответствия данных о полках службы. Капитан Григорий Селиванов сын Арцыбашев в сказке Военной коллегии указывает, что «в 1713 году пожалован от Его светлости [речь идёт о А. Д. Меншикове] в Пиршанский полк в подпоручики» [8, с. 1627–1628.]. В сказке Герольдмейстерской конторы

он же пишет, что «в 1713 году от князя Меншикова произведён в подпоручики в Ингерманландский пехотный полк» [13, л. 64]. В какой же полк всё-таки был пожалован Григорий Арцыбашев в 1713 году?

Решить эту загадку помогает продолжение сказки Военной коллегии. Сразу после упоминания о назначении в Питершанский полк мы читаем, что Григорий «в 1716 году... бил челом Его светлости, чтобы быть в напольных полках, и по приказу Его светлости определён в Ингерманландский пехотный полк...». Логично предположить, что с 1713 по 1716 год Арцыбашев всё-таки служил в Питершанском полку, который, кстати, стал так называться в 1721 году. До этого, в период службы в нём Григория, полк назывался Казанским *гарнизонным* солдатским полком [10, с. 68]. Это объясняет, почему Арцыбашев в своём челобитье к Меншикову пишет о своём желании быть в «в напольных полках», то есть, в полевой армии, а не в гарнизоне. Вполне возможно, что эти 3 года, проведённые вдали от сражений Северной войны, не являлись предметом гордости капитана Арцыбашева, поэтому составляя свою сказку в Герольдии в 1728 году он их не упомянул вовсе.

Перейдём теперь к показателю *социального происхождения*. Время петровских преобразований традиционна считается временем начала создания единого российского дворянства. Называлось оно тогда термином «шляхетство» и комплектовалось по большей части из потомков служилых людей XVII века. В то же время в единое российское дворянство проникали новые элементы, наиболее талантливые потомки других социальных групп XVII века, например, посадские люди, светские служители, находившиеся в подчинение церкви, боевые холопы. Потомки этих групп могли стать частью «шляхетства», достигнув звания прапорщика в регулярной армии.

К началу 1720-х гг. большинство офицеров в сказках Военной коллегии называли себя представителями «шляхетства» [11, с. 141], однако можно ли считать, что процесс консолидации российского дворянства был на этом закончен? Сопоставление сведений сказок Военной коллегии и Герольдии показывает, что однозначно утверждать это мы не можем.

Всего нам встретилось 2 офицера, сказки которых содержат расхождения о социальном происхождении. Первый из них, майор князь Иван Яковлев сын Байтереков в сказке Военной коллегии указывал, что был написан в службу из иноземцев старого выезда [8, с. 2362]. В сказке же Герольдии мы читаем, что Байтереков был взят в службу из шляхетства [13, л. 57]. О том, что Иван Яковлев сын когда-либо принадлежал к иноземцам старого выезда в более поздней сказке Герольдмейстерской конторы ни сказано ни слова. Данный пример отчётливо показывает изменения, произошедшие в самоидентификации князя в течение 1720-х гг.: шляхетская идентичность заменила служебную группу XVII века (по крайней мере, в публичной сфере).

Вполне возможно, что Байтереков продолжал называть себя потомком иноземцев старого выезда, потому что его род, происходивший от татарских князей, не получил подтверждения российского княжеского достоинства, в отличие от Юсуповых и Урусовых.

Другой случай расхождения информации о социальном происхождении мы наблюдаем в сказках майора Алексея Иванова сына Кушников. В своей сказке Военной коллегии он писал, что «из житья написан в экзерцицию» [8, с. 1842]. В сказке Герольдии он приводит несколько иные сведения: «в службу написан из городских дворян в учение» [13, л. 21]. Итак, из какой группы происходил майор Кушников? Был он жильцом или городским дворянином?

Снова обратимся к сказкам, посмотрим, в каком году и как формировался полк, в котором начинал службу Кушников. В сказке Военной коллегии мы читаем, что Кушников служил с 1704 года по набору Александра Сергеева. В сказке Герольдии мы видим, что Алексей Иванов сын начал службу в 1704 году в «новонаборном полку... и был в партиях против башкирцев». Как мы видим, сведения из различных сказок друг другу не противоречат. Действительно, именно Александр Сергеев проводил карательные походы против башкир, и, разумеется, полки, набранные им в 1704 году, были «новонаборными».

Известно, что Александр Сергеев в 1704 году набрал 2 полка: солдатский полк полковника Стубенского [10, с. 53] и солдатский полк Топорнина [10, с. 58]. Оба полка были собраны в Нижнем Новгороде. Скорее всего Кушников начал службу в полку Стубенского, так как, по информации М. Д. Рабиновича этот полк был набран «из городских солдат, их детей и церковных причетников». Полк же Топорнина формировался из рекрутов и казаков низовых городов, что меньше соответствует указанному Алексеем в сказке.

Важно также отметить то, что по сказке Герольдии Кушников обладал 18 дворами в Нижегородском и Кокшайском уездах. Эти территории точно нельзя причислить к «низовым», так как они находились (и находятся до сих пор) выше по течению Волги, чем Казань, с которой «низовые города» начинались. Таким образом, логичнее связать происхождение Кушникова со служилой корпорацией Нижнего Новгорода. Что же касается информации о происхождении из жильцов, то она кажется весьма сомнительной. В результате резонно предположить, что, говоря «из житья», Алексей Иванов сын Кушников имел в виду совсем не низший чин в иерархии царедворцев.

Вместе с тем хочется заметить, что Кушников в обеих сказках никаким образом не упоминает шляхетство. Между тем, такое упоминание представляется далеко не единственным. Анализ массива сказок офицеров-отставников, поданных в 1726–1729 гг. в Герольдмейстерскую контору [13, л. 1–303], показывает, что из 230 потомков служилых людей (царедворцев, городских дворян, представителей полков нового строя) лишь 175 человек (76%) связывали своё происхождение со шляхетством. Соответственно, оставшиеся 24% называли только служебную группу XVII века, из которой они происходили. Всё это вкуче с историями Кушникова и Байтерекова свидетельствует, что применительно к 1720-м гг. можно говорить о динамичном представлении о социальном у служилой элиты. В целом, конечно, преобладало самонаименование «шляхетство», однако оно не было тотальным, и могло сосуществовать с другими самоидентификациями, а иногда и вовсе заменяться ими.

Рассмотрим теперь показатель *грамотности*. Чтобы не уйти в дебри дискуссий о том, какого человека можно считать грамотным, оговоримся, что изучаем мы грамотность элементарную. Определяем мы её по прикладыванию руки в конце сказки, то есть по записи офицером своего звания, имени и фамилии, и фразы «руку приложил к сей сказке».

Конечно, данный метод не совершенен. Исследователи отмечают, что такую подпись можно было механически натренировать, то есть попросту выучить последовательность абсолютно непонятных пишущему (а скорее даже рисующему) символов. Из этого следует вывод о том, что данные прикладывания рук нельзя использовать в статистических измерениях грамотности. Однако, на наш взгляд, такой подход чересчур критичен. Об этом, как нам кажется, говорят данные, полученные благодаря сопоставлению сказок Военной коллегии и Герольдии.

Предпринятое нами сравнение показало отсутствие противоречивой информации. Под ней в данной линии сравнения мы подразумевали случаи, когда в одной из сказок присутствует подпись, а в другой – нет. Причём важно заметить, что сказки Военной коллегии оценивались и в сравнении со сказками однополчан. В случаях отсутствия подписи вообще у всех офицеров какого-то конкретного полка мы писали «нет информации».

Большинство офицеров сравнения оказались грамотными, но нашлось и два очень ценных для нас исключения. Это – поручик Леонтий Иванов сын Озеров, небогатый городской дворянин из Ростовского уезда, и майор Иван Ларионов сын Ларионов, взятый в службу из холопов. И в сказках Герольдии, и в сказках Военной коллегии за наших героев подписались другие люди. За майора Ларионова его однополчане: в сказке Военной коллегии – подпоручик Мусин-Пушкин [8, с. 2056], в сказке Герольдии – прапорщик Агафон Мешков [13, л. 4 об.]. За поручика Озерова в сказке Военной коллегии – однополчанин прапорщик Максим Скоробогатов [7, с. 464], в сказке Герольдии – подьячий Василий Алатчанинов [13, л. 92 об.]. Если бы у нас была в наличии только одна сказка с чужой подписью, то можно было бы предположить, что эти офицеры в силу каких-либо причин (вплоть до

травмы руки) поручили какому-то конкретному лицу подписаться за них. Однако благодаря сопоставлению сказок, можно с большей уверенностью утверждать, что наши герои действительно не умели писать. А стало быть, верны и показатели грамотных офицеров.

Также отметим, что за прошедшие между написанием сказок 5–6 лет вышеназванные офицеры так и не освоили грамоту. Этот факт, к слову, никак не воспрепятствовал их карьерному росту. Ларионов, который, по сказке Военной коллегии 1720 года, числился подпоручиком, в конце концов дослужился до капитана, и выйдя в отставку в 1726 году, получил звание майора.

Перейдём к *имущественному положению* офицеров петровской армии. Мы уже отмечали большое количество изменений в показаниях офицеров по данной теме. Что интересно, все изменения (которых в нашем сравнении 11) связаны с улучшением имущественного положения подателей сказок, то есть с ростом количества зависимых крестьян. Данные об изменениях в имущественном положении легли в основу таблицы 2.

Таблица 2. Изменения в имущественном положении офицеров Петровской армии в течение 1720-х гг.¹

Table 2. Changes in the property status of officers of Peter the Great's Army during the 1720s

Источник: [7; 8; 13]

Имя	Имущественное положение в 1720–1721 гг., в душах мужского пола	Имущественное положение в 1726–1728 гг., в душах мужского пола	Уезды жительства в 1720–1721 гг.	Уезды жительства в 1726–1728 гг.
Григорий Селиванов сын Арцыбашев	4	32	Алексинский	Алексинский, Алатырский
Василий Ерофеев сын Чихачев	16	24	Вологодский	Вологодский
Александр Васильев сын Потёмкин	112	212	Коломенский, Тульский, Смоленский	Коломенский, Тульский, Смоленский
Князь Иван Яковлев сын Байтеревков	0	15	-	Кашинский
Иван Леонтьев сын Тишков	16	40	Бежецкий	Бежецкий
Иван Алимпиев сын Зыбин	0	60	Алексинский	Псковский, Пусторжевский, Алексинский
Алексей Иванов сын Кушников	68	72	Нижегородский	Нижегородский, Кокшайский
Никита Михайлов сын Крюков	3	25	Тульский, Епифанский	Тульский
Семён Тимофеев сын Ягнетев	0	2	-	Рязский
Василий Сидоров сын Гринёв	8	30	Белёвский	Белёвский, Мценский
Андрей Лукин сын Бунин	0	110	Белёвский, Орловский	Белёвский, Орловский

¹ При составлении таблицы показатель «двор» переводился в показатель «души мужского пола» в соотношении 1 к 4.

Как мы видим из таблицы, для 4 офицеров улучшение имущественного положения было связано с появлением имений в новых уездах. Ещё 4 офицера увеличили своё имущественное положение за счёт крестьян «своих» уездов, то есть тех уездов, в которых у офицеров уже были поместья в 1720–1721 гг. Интересным примером представляется Никита Михайлов сын Крюков, который увеличил своё имущество, при этом утратив недвижимость в одном из своих уездов. Тут дело отчасти в том, что в сказке Военной коллегии Никита Михайлов сын указал уезды, в которых имел *поместья*, то есть некоторое количество четвертей земли, не обязательно обрабатываемых крестьянами. Как мы видим исходя из более поздней сказки, между 1720 и 1727 гг. Крюков распрощался с Елифанским уездом и сконцентрировал свои владения в Тульском уезде, в котором, по-видимому, и жили 3 крестьянина, указанные в сказке Военной коллегии.

К сожалению, сказки не дают обилия информации о способах, которыми офицеры улучшали своё имущественное положение. Думаю, что важным являлось окончание Северной войны, которое позволило офицерам, до этого постоянно находившимся в походах, получить некоторую связь с родными поместьями и решить некоторые возникшие проблемы. Важной оказалась и податная реформа, в ходе которой была проведена перепись, привязавшая вольных людей к землям помещиков, на территориях которых они находились в момент переписи. Наконец, само нахождение полков в российских губерниях давало возможность офицерам заняться делами своих поместий.

Не стоит забывать и о самых очевидных способах улучшения имущественного положения. Это и покупка поместий с крестьянами, и удачный брак, и, наконец, наследование, пример которого мы можем увидеть среди наших офицеров.

Так, капитан Андрей Лукин сын Бунин в сказке Военной коллегии писал, что его отец владеет крестьянами в Белёвском и Орловском уездах, однако точного их числа Бунин за долгой службой тогда не называл. Это число мы узнали из сказки Герольдии: к 1727 году Бунин – владелец 110 крестьянских душ в Белевском и Орловском уездах [13, л. 39 об.]. Как мы понимаем, Андрей Лукин сын вошёл в наследство после смерти своего отца.

Рассмотрим теперь ситуации, когда дворянин, рассказывая о вельможах, утверждавших его повышения, внезапно путался в показаниях. В итоге по сказке Военной коллегии к его повышению получались, причастны одни люди, а по сказке Герольдии – другие.

Например, в сказке Военной коллегии майора Фёдора Дмитриева сына Лукина мы читаем, что он «в 1705 по рассмотрению Бориса Петровича Шереметева был пожалован в прапорщики» [7, с. 1292]. В сказке Герольдии, написанной в середине 1727 года, Лукин уже утверждал, что в 1705 году был пожалован в прапорщики от светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова [13, л. 20]. Этот пассаж кажется крайне сомнительным, так как и по сведениям сказки Военной коллегии, и по сведениям сказки Герольдии в дальнейшем Фёдор Дмитриев сын служил в корпусе Шереметева, и получал новые назначения именно по его рассмотрению. Скорее всего, Лукин называл фактически правившего тогда Меншикова причастным к своему первому, достаточно давно случившемуся назначению, чтобы представить себя в более выгодном свете. Это имело значение, так как армейских отставников ждало назначение на статские службы.

Имеются также и случаи свидетельств иного толка. Такими свидетельствами, к примеру, являются «умалчивания» о вельможах, причастных к некоторым повышениям. В некоторых случаях такое «молчание» может раскрывать психологию человека полнее, чем простое свидетельство.

Примером такого раскрытия может быть капитан Семён Тимофеев сын Ягнетев. В сказке Военной коллегии он писал, что «в 1709 году по указу Его высококняжеской светлости господина генерала-фельдмаршала и кавалера князя Александра Даниловича Меншико-

ва пожалован в прапорщики» [8, с. 1634]. Затем в такой же форме описывалось его назначение от Меншикова в поручики в 1717 году.

В сказке Герольдии, написанной 15 сентября 1727 года, мы не встречаем ни такой пышной титулатуры, ни самого Александра Даниловича. Ягнетев скромно указывал что в 1709 и 1717 годах был пожалован в прапорщики и поручики соответственно, никак не упоминая при этом Меншикова [13, л. 37]. Что это, если не стремление откреститься от сверженного несколькими днями ранее Александра Даниловича, если не попытка человека сохранить свою репутацию в стремительно меняющемся мире?

Тем не менее, такая «конъюнктурная» позиция не была единственной из возможных. Например, в сказке Военной коллегии поручика Якова Фёдорова сына Хрущёва мы читаем, что Яков был произведён в 1720 году в прапорщики от Иван Ивановича Бутурлина, известного сподвижника Петра I, сосланного Меншиковым после смерти Екатерины I в свои деревни.

В сказке Герольдии, написанной в марте 1728 года, то есть уже после ссылки Бутурлина, мы читаем несколько иное: «в 1724 году по конфирмации Военной коллегии произведён в прапорщики» [13, л. 85]. То есть, в сказке Герольдии Яков Фёдоров сын писал только о подтверждении своего назначения, не упоминая о вельможе, который, собственно, и был к нему причастен. Однако, как уже было сказано выше, в данном случае всё несколько сложнее.

Дело в том, что следующие повышения (в 1725 году – до подпоручика, в 1727 году – до полкового квартирмейстера) Хрущёв получал при участии Александра Даниловича Меншикова, которые ко времени подачи сказки также находился в опале. Тем не менее, он присутствует в сказке Герольдии и именуется «князем Меншиковым». В результате мы получаем интересную ситуацию. С одной стороны Яков не упоминает одного ссыльного вельможу, из чего можно предположить, что он не хотел портить свою репутацию, с другой стороны – он упоминает другого ссыльного, тем самым заставляя нас искать более подходящее объяснение.

Мне видится, что упоминания Меншикова, вместе с неупоминанием Бутурлина, в данном случае обусловлено тем, что почти все повышения Хрущёва, начавшего свою карьеру в 1715 году связаны с предыдущими 2–3 годами. В данном случае попросту нельзя было игнорировать или скрывать имя того, кто продвигал Якова по службе. Отчасти раскрытие имени может быть объяснено тем, что со смерти Петра I, Меншиков был фактическим правителем страны, а стало быть, он был причастен к огромному количеству повышений. Таким образом, данные повышения никак не бросали тень на дворянина.

4. Заключение

В ходе исследование установлено, что свидетельства сказок о *годе начала службы, полках службы, элементарной грамотности, социальном происхождении* являются достаточно надёжными и пригодными для изучения фактов с историческим значением. *Имущественное положение* дворян после окончания Северной войны осталось на том же уровне, а в некоторых случаях улучшилось. Сопоставление сказок помогло лучше увидеть дворян как индивидов со своими динамичными представлениями о социальном, со своими предпочтениями по виду службе, наконец, с карьерными устремлениями.

Список источников и литературы

1. Анисимов, Е. В. *Податная реформа Петра I*. Л.: Наука, 1982. 296 с.
2. Бабич, М. В., Бабич, И. В. (2012). *Потерявши... помним: к истории небоевых потерь частей, дислоцированных в Ингерманландии в 1711 году* // Война и оружие. С. 47–55.

3. Долгова, В. Н. (2017). *Проблема образования русского провинциального дворянства XVIII века в оценке современников (на материалах мемуарной и художественной литературы)* // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (32). С. 60–65.
4. Захаров, А. В. (2016). *Грамотность «царедворцев» в эпоху Петра I* // Вестник Пермского университета. № 4. С. 24–33.
5. Захаров, А. В. (2022). *Царедворцы и шляхетство на государевых смотрах петровского времени* // Пётр Великий: исследования и открытия. С. 213–225.
6. Миллер, Г. Ф. (1996). *Известие о дворянх [Российских]* // Миллер, Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука. С. 180–226.
7. *Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Т. 1.* Под ред. К. В. Татарникова. М.: Старая Басманная, 2015. 1352 с.
8. *Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Т. 2.* Под ред. К. В. Татарникова. М.: Старая Басманная, 2015. 1404 с.
9. Петрухинцев, Н. Н. (2013). *Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии* // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750). С. 89–116.
10. Рабинович, М. Д. *Полки петровской армии 1698–1725*. М.: Советская Россия, 1977. 112 с.
11. Рабинович, М. Д. (1973). *Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной армии в конце Северной войны* // Россия в период реформ Петра I. С. 133–171.
12. Редин, Д. А. (2019). *Удачливый Тряпичин? Карьерная траектория провинциала в эпоху петровских перемен* // Cahiers du Monde russe. 2019. № 1 (60). С. 9–36.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 286. Оп. 1. Д. 84.
14. Троицкий, С. М. (1974). *Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.* М.: Наука. 395 с.

References

1. Anisimov, E. V. (1982). *Podatnaya reforma Petra I* [The tax reform of Peter I]. Leningrad, Nauka. (in Russian)
2. Babich, M. V., Babich, I. V. (2012). *Poteryavshi... pomnim: k istorii neboevih poter' chastei, dislotsirovannih v Ingermanlandii v 1711 godu* [Having lost... we remember: to the history of non-combat losses of units stationed in Ingermanland in 1711] in *Voyna i orugie*, 47–55 (in Russian)
3. Dolgova, V. N. (2017). *Problema obrazovaniya russkogo provintsial'nogo dvoryanstva XVIII veka v otsenke sovremennikov (na materialah memuarnoi i hudozhestvennoi literaturi)* [The problem of the education Russian provincial nobility of the XVIII century in the assessment of contemporaries (based on the materials of memoirs and fiction)] in *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (32), 60–65 (in Russian)
4. Zakharov, A. V. (2016). *Gramotnost' «tsaredvortsev» v epohu Petra I* [Literacy of "courtiers" in the era of Peter the Great] in *Vestnik Permskogo universiteta*, 4, 24–33 (in Russian)
5. Zakharov, A. V. (2022). *Tsaredvortsi i shlyahetstvo na gosudarevikh smotrah petrovskogo vremeni* [Courtiers and gentry at the sovereign's shows of Peter the Great's time] in *Petr Velikii: issledovaniya i otkritiya*, 213–225 (in Russian)
6. Miller, G. F. (1996). *Izvestie o dvoryaneh* [The report on the nobles] in Miller, G. F., *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe*, 180 – 226 (in Russian)

7. Ofitserskie skazki pervoi chetverti XVIII veka. Polevaya armiya [Officers' skazki's of the first quarter of the XVIII century. The Field Army], 1. Pod red. K. V. Tatarnikova. Moskva, Tipografiya Staraya Basmannaya, 2015. (in Russian)

8. Ofitserskie skazki pervoi chetverti XVIII veka. Polevaya armiya [Officers' skazki's of the first quarter of the XVIII century. The Field Army], 2. Pod red. K. V. Tatarnikova. Moskva, Tipografiya Staraya Basmannaya, 2015. (in Russian)

9. Petruhintsev, N. N. (2013). *Konsolidatsiya dvoryanskogo sosloviya I problem formirovaniya oformlyayuschei ego terminologii* [Consolidation of the nobility and the problems of forming the terminology that forms it] in *Pravyaschie eliti i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle Petrovskikh reform (1682–1750)*, 89–116 (in Russian)

10. Rabinovich, M. D. (1977). *Polki petrovskoi armii 1698–1725* [Regiments of Peter's Army 1698-1725]. Moskva, Sovetskaya Rossiya. (in Russian)

11. Rabinovich, M. D. (1973). *Sotsial'noe proishozhdenie i imuschestvennoe polozhenie ofitserov regul'arnoi armii v kontse Severnoi voini* [Social origin and property status of regular army officers at the end of the Northern War] in *Rossii v period reform Petra I*, 133–171 (in Russian)

12. Redin, D. A. (2019). *Udachlivii Tryapitsin? Kar'ernaya traektoriya provintsiala v epohu petrovskikh peremen* [Lucky Tryapitsyn? The career trajectory of a provincial in the era of Peter the Great's changes] in *Cahiers du Monde russe*, 1 (60), 9–36. (in Russian)

13. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 286, op. 1, d. 84.

14. Troitskii, S. M. (1974). *Russkii absolutizm i dvoryanstvo v XVIII veke* [Russian absolutism and nobility in the XVIII century]. Moskva, Nauka. (in Russian)